

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Джеймс Бонд

Эта история из серии «За что боролись, на то и напоролись». Она может показаться довольно невероятной. Но получилось, что я сам проявил себя в роли локомотива, который направил состав к той станции, куда он прибыл.

Начну с предыстории.

Попал я в этот город, когда начал служить в армии. Попал в автороту, как уже имевший опыт вождения грузовика. Частенько на моем ЗИЛе мне приходилось кататься по разным конторам и предприятиям. В одной из автоколонн я попался на глаза начальнику транспортного цеха, он вроде как с шуточками наводил мосты, кто я, откуда, какие перспективы после службы, в общем, практически он и уговорил остаться тут работать. В деревне все равно было нечего делать, родителей не стало, а работа в поле устраивала мало. Короче, дома меня ничего не держало. А тут рисовали перспективы, рост, карьеру. Одно условие только ставили, чтоб не было пьянок. Но это как раз и было тем камнем, из-за которого не прельщала деятельность в деревне. Я знал, что там можно запросто спиться, а этого как раз и не хотелось.

Корочки водителя дали возможность узнать город, я его полюбил. Тем более, что тут жила моя тетушка, которая меня, единственного племянника, горячо любила.

Демобилизовавшись, я устроился в автоколонну и стал жить у тетушки. Все вроде было хорошо, но тетя Маня тяжело заболела, ее положили в горбольницу, куда я часто стал наведываться навещать ее. Там я и познакомился со своей будущей женой, что недавно приехала работать медсестричкой после окончания кинешемского медучилища. Я Ольке тоже приглянулся. От тетушки этого было не скрыть, поэтому она, пошушукавшись с Ольгой, в лоб мне предложила:

— Женись, милок, пока я жива. Лучшей тебе не найти.

Я не стал ей перечить и сделал предложение. Через месяц я стал семейным человеком, а еще через месяц тетушки не стало. И я стал полноправным владельцем тетушкиной квартиры, которую она оставила мне по завещанию. Я смотался в деревню, продал родительский дом и обменял квартиру с доплатой на шикарные хоромы в центре города недалеко от больницы, где работала жена.

И вовремя, через год в нашей семье появилось прибавление, маленькое светленькое чудо — наша доченька Аннушка. Этим дочка пошла в мать — голубоглазую блондинку.

Я очень гордился женой, когда мы гуляли с коляской, я часто замечал, что Ольга притягивает взгляды встречаемых мужчин. Еще бы, роды несколько не испортили ее фигуру. В свои 19 лет она выглядела, великолепно. Высокая, стройная, хотел бы сказать, что по мировым стандартам, но нижние «60» были не совсем 60. В бедрах она не раздалась, попка так и осталась такой, как у подростка, какой я ее встретил в палате тетушки. Бюст ее оформился, но сказать, что грудь стала большой было нельзя. Она стала высокой и упругой, что обтягивающей одежде было довольно эффектно.

Оля предложила, что пусть дочурка подрастет, а мы пока повременим с продолжением. Поэтому решили предохраняться. С тех пор секс и презерватив стали у нас единым целым, это правило мы соблюдали нерушимо.

А вот через пять лет после рождения дочери и произошла сама история.

После майских праздников в отделение жены попала женщина. Интересная, статная. Когда мы с дочкой приходили к жене, я обратил внимание, что ее муж навещал ее с детьми — двумя белоголовыми погодками пацанятами и смуглой дочкой-мулаткой, где-то ровесницей нашей Анютки.

Жена рассказала, что ходят слухи, что Екатерина, мама девочки, была в командировке, где у нее случился роман с негром, плодом этой любви и стал ребенок. Но муж принял дочку, равно как и сыновья.

Анечка же, когда увидела черненькую девочку, вначале удивилась, все допытывалась у меня, почему так. Пришлось выкручиваться, объяснять, что девочка загорела, что может быть так, что папа с мамой белые, а ребенок пошел в прабабушку-прадедушку, у которых тоже была такая кровь. Вроде это удалось, ребенок перестал акцентировать внимание, а вскоре они познакомились и подружились.

Познакомился и я с ее отцом. Он оказался классным мужиком, у нас было много интересов, в особенности рисование. Игнат пригласил нас к себе, ему было скучно без жены, а у меня все равно приличных друзей не завелось, поэтому мы с дочкой не стали отказываться, и заглянули на огонек, благо жили они рядом.

Пока дети играли в своей комнате, мы с хозяином пили душистый кофе, сваренный по особому рецепту Игната, и пытались критиковать рисунки, как Игната, так и мои, папку с которыми я захватил с собой.

Вечер пролетел незаметно. Аня так развеселилась, что не хотела уходить, и всю дорогу щебетала, что Каринка ее лучшая подруга. Я не возражал — пусть дружат.

Вскоре и Катю выписали из больницы. Мы стали встречаться семьями, ходили друг к другу в гости, нас Игнат с Катей стали брать к себе на дачу.

Оля с Катей тоже нашли общий язык, подружились, часто можно было видеть, что оставив нас, они беседуют о чем-то сокровенном, то шепчась, то вдруг задорно рассмеявшись.

Как-то раз, когда мы остались с ночевкой на даче, Игнат не выдержал и вызвал меня на откровенный разговор. Они натопили баню, вначале намыли ребятишек, потом попарились наши женщины, а затем уже пошли мы. Парились мы долго, а потом Игнат предложил выпить после этого святого дела. Мы сели в предбаннике. Я не увлекался, лишь пригубляя спиртное, зато Игнат, как будто хотел набраться. Что вскоре и произошло.

Мы в трусах, благо уже стемнело, вышли к речке, закурили, глядя на безмятежную воду, и Игната прорвало.

— Слушай, Никита. Сколько тебя знаю, нравишься ты мне. Ты настоящий мужик, — он выкинул погасшую папиросу и закурил новую, — А они все лезут, лезут в душу. А ты не лезешь. А я ведь ее люблю!

Я молчал, не зная, что говорить, но в то же время не мешая высказаться.

Он посмотрел мне в лицо и продолжил:

— Знаешь, как надоело, что всем интересно, что у меня дочь такая. А она моя! Моя, понимаешь, и ее я тоже люблю!

Игнат встал, сходил в предбанник и вернулся, держа в руках бутылку с двумя стопками и тарелку с закуской, которые поставил рядом на травку.

Он налил, свою сразу же выпил, даже не притронувшись к закуске.

— Тебе интересно, почему Кариша такая? — он еще раз внимательно взглянув на меня. Мне показалось, что в глазах Игната и в помине нет хмеля, как и не пил.

— Да не особо, — ответил я и тоже опрокинул в рот стопку, закусывая тонким кусочком сала.
— Вот! Не особо! Я же говорю — настоящий мужик, — он зажег спичку и закурил следующую папиросу, — А я расскажу.

Я тоже закурил.

— Не было никакой командировки. Он живет в рядом, там, — Игнат махнул в сторону райцентра, что был в часе езды от нашего города, — Он работает на совместном предприятии. Нашем с французами. Знает Катю еще с института. У них был роман. Это я Катю обидел, я ушел от нее к другой. А она… Она не смогла устоять. Он ей помог… — Игнат раскашлялся, — И так тоже… Вот и появилась Каринка.

Игнат обернулся к домику, посмотрел на окна, и снова продолжил:

— Её вины нет, так и должно было получиться. Это судьба! А я не смог, бросил эту дуру, которой не я был нужен, а должность в моем отделе. Я не смог! Я вернулся!

Он снова налил по стопкам и, подождав, когда я подниму свою, снова посмотрел мне в глаза абсолютно трезвыми глазами. Хмель его не брал. Мы выпили, он целую, а я снова пригубив — водка не лезла.

— Я бы дорого дал. Пусть то же самое, но при мне, со мной, пусть, только, чтоб я не уходил, — он снова достал папиросу.

— А он звонит, он зовет ее постоянно. Когда я беру трубку, он молчит, бросает трубку, но я-то знаю — это он. Я боюсь, что она уйдет. Понимаешь? А ты ее не вини, она добрая… и честная. А тебе спасибо. Хорошая у вас дочь. Добрая. С Кариной ведь не дружат, а ей так хочется.

Я кивнул головой, допив остаток.

— Ладно, всё, проехали. Спасибо, что выслушал. Теперь ты знаешь, а мне, вроде, и легче, груз снял. А то все некому выплакаться. Пойдем, что ли? — он бросил окурок под ноги, раздавив его тапком.

Потом поднялся, взял бутылку и тарелку, я подхватил стопки, и мы пошли одеваться и закрывать баню.

Ночью, пока Ольга сопела рядом, я все лежал и думал о превратностях судьбы. И чем я дольше думал, тем во мне больше укреплялось уважение к этому человеку, при этом я и ни грамма не пытался в чем-то укорить и Катю. Ну, несчастный случай на производстве, с кем не бывает.

Наутро мы поехали домой, мы молчали, хотя и мне хотелось высказаться услышанным Ольге, и, судя по ее взгляду, ей тоже есть чем поделиться. Анютка только щебетала на заднем сиденье.

К разговору мы вернулись только вечером. Уложив Аннушку, мы улеглись в постель.

Разговор начала Оля:

— Ты знаешь, Катя мне открылась.

— Я знаю, мне Игнат рассказал, — перебил я ее.

— Он ее достает, постоянно зовет. Она боится… А при Игнате разговора не получится. Они подерутся.

— Мне съездить или ты можешь подстраховать?

— Я думаю, мне проще, ты же тоже мужчина, а при мужчине какой разговор?

— Ну, тогда логичнее тебе съездить, — заключил я.

Такой поворот Ольгу, похоже, устроил, это входило в их с Катей планы. Она сразу же

схватила трубку:

— Да, решено, конечно. Хорошо. До завтра.

— Мы завтра поедem, Катя за мной заедет.

Вечером и правда, друзья пришли к нам. Дети сразу бросились к Анечке в комнату, а мы прошли на кухню, где завязался разговор. Оля ушла переодеваться. Затем вышла к нам, показаться. Она покрутилась в дверях, чтоб мы оценили ее наряд. Повосхищаться было чем. Белая водолазка ярко оттенялась черной коротенькой юбкой, стройные ножки тоже были в черных чулочках, которые я любил. И элегантные туфельки на высоком каблуке. Вместо привычной косички голову венчала великолепие тщательной укладки.

— С ума сойти! — только и смог произнести Игнат.

Катя с Олей спустились к машине, а мы расставили шахматы на столе, и начали сражение.

Часа через три Игнат с детьми ушел, я уложил спать дочку и тоже пошел на боковую.

Утром отвел Анечку в садик, а когда вернулся домой, Оля была уже дома. Она была какой-то уставшей, видимо разговор у Кати с этим парнем был тяжелый. Я накормил жену и она ушла спать, свалившись прямо в одежде. На чулках я заметил затяжку.

«Эх, пропали чулочки, надо новые привезти».

Скоро и мне надо было собираться, выезд был запланирован в обед, поэтому я собрался и поехал на базу готовить грузовик.

Приехал я через два дня. Оля меня встречала посвежевшей, веселой и довольной. Она очень обрадовалась, что я привез ей пару тончайших черных чулочек взамен испорченных. Жена запрыгала и поцеловала меня сладко-сладко.

А через пару дней весером снова раздался звонок. Я взял трубку. Это была Катя.

— Оля дома? — я позвал жену.

Ольга взяла трубку.

— Не знаю, надо спросить, — и посмотрела на меня.

— Что надо?

Жена прикрыла трубку рукой.

— Кате надо снова к Джеймсу.

Оказывается, этого эспэшника Джеймсом зовут.

— Когда?

— Чем скорей, тем лучше.

— Раз надо, значит надо.

Оля чмокнула меня в щеку. Распахнув шкаф, она стала переодеваться. Когда скинула домашнюю одежду, я залюбовался фигурой своей женушки. Как же она хороша. Никакого изъяна. Ладная, аккуратная, словно из белого мрамора. Светлые волосы и светлый почти незаметный пушок на лобке, светящийся от лучей падающего света. Только вот царапина под левой лопаткой портила белизну кожи. Я сидел и наблюдал за приготовлениями

Кружавчатые открытые трусики, такой же лифчик с получашечками и тонкими бретелями, красная блузка, черная юбочка-плиссе и телесного цвета колготки? Нет, так дело не пойдет!

— Гармоничнее будут подходить новые чулочки. Что не носишь, тебе же вез, — подал я совет опытного эстета.

Оля обернулась, стрельнула глазами и, достав упаковку, разорвала ее.

Когда чулки обняли ноги, она снова посмотрела на меня.

— Ай, хорошо! Теперь красненькие туфли.

И красные туфельки завершили гарнитур.

Оля тщательно причесалась. Когда все было готово, я встал, обнял мою дорогую, взял ее лицо в свои руки и нежно-нежно поцеловал.

— Удачи тебе, родная. Ни пуха! Я тебя люблю.

Она, сияя, махнула рукой и выпорхнула в дверь.

Назавтра я снова повел дочку в садик. Ко времени ухода на работу жена еще не успела вернуться, поэтому я написал ей записку, чтоб забрала перед ночной сменой Анютку, и ушел. Утром Оля вернулась с работы никакая. Мне пришлось повозиться, прежде чем ее раздел и уложил спать.

На мой вопрос: «Как там Бонд, Джеймс Бонд?», она только мазнула рукой, погружаясь в спасительный сон.

В садике уже успели привыкнуть, что приходит с ребенком отец. А что делать, если мама работает то в день, то в ночь, больных же не бросишь.

Так продолжалось еще недели три. Очередной звонок, и жена спешит выручать подругу, чтоб той не так страшно было ехать в ночь в чужой город. Я уже и трубку не стал брать, зная, что это Катя. Я привык к тому, что два-три раза в неделю, после короткого разговора, Оленька, глядела на меня, прижав к себе телефонную трубку, а после моего кивка, бросала «Еду!» и начинался спектакль с показами мод нового сезона.

К исходу месяца мне предложили выгодный рейс. Я договорился с напарником, что он подготовит машину, поэтому не торопился. Жена была дома, дочь в саду, поэтому захотелось близости. Я увлек Оленьку на кровать и стал ласкать ее. Затем достал из тумбочки новую упаковку индийских противогазов и вскрыл ее. Натянув средство защиты, я бросился в бой. Но видимо, усталость Ольги давала себя знать, она не так страстно отвечала на мои потуги. Но удивило, что я не ощущал обычного трения внутри работающего механизма. Мой поршень скользил свободно и гладко, как у прошедшего обкатку двигателя. Никаких помех, создающих дискомфорт. Молодчинка Олька, научилась управлять мышцами, расслабила их специально для меня, чтоб я мог получить особенное удовольствие. Когда копилочка заполнилась драгоценной жидкостью, я, как обычно, завершил соитие долгим поцелуем в те уста, которые не говорят по-русски. Вот только пушистая бахрома волосиков на лобке щекотала нос, хотелось чихнуть, и волоски упрямо лезли в рот. Я снял, ставшую тяжелой резинку, и, упаковав ее в газету, чтоб не попало дочке на глаза, отправил ее в спермобанк — в помойное ведро, стоящее под раковиной на кухне. Наскоро перекусил и выскочил на работу, оставив жену еще понежиться в постели.

На этот раз рейс оказался долгим. Мало того, что отмотали полстраны, да еще зависли в пункте назначения. Вернулся только через две недели. Небритый, в пропитавшейся потом одежде, я гнал фуру с превышением скорости домой. Домой! К моей ненаглядной Оленьке. К жене, по которой успел соскучиться и стосковаться за две недели воздержания.

Доехал только утром. Загнав трейлер на стоянку, я прилепил под дворник список с указанием, что надо делать слесарям, схватил такси. Домой! Домой! И сразу в ванну. Чтоб чистым и отмытым предстать перед женой.

Но дома было пусто. Я включил воду в ванной, а сам пошел на кухню.

Интересно, где жена, должна быть сегодня выходной?

Раздалась трель звонка, я схватил трубку. В ответ молчание.

— Алло! Алло! Я слушаю, — прокричал я, но в ответ раздались лишь короткие гудки отбоя. Довольно странно. Может что с телефоном? Я решил позвонить Игнату.

Тот сразу поднял трубку.

— Салют! Вернулся, бродяга? Рад слышать. Давай сегодня к нам на дачу, — он не давал вставить ни слова, — А у меня все хорошо. Ты представляешь? Эспэшник уже месяц нас не беспокоит. Не звонит, как с сердца отлегло. И Катюху месяц не зовет. Отстал! Победа!!! Вы как? Давай, сейчас Катюша выйдет из душа, и мы заскочим за вами; — я обещал подумать, и бросил трубку.

Так, Катя дома у себя. Ольга не с ней. И целый месяц. Месяц. А с кем же Ольга ездила еще полмесяца назад? Куда? К кому? Вопросы вылетали, как воздух из пробитой шины.

А для кого же мы так наряжались?

Я встал, прошел к шкафу и распахнул его. Первое, что бросилось в глаза, это то, что стопка белья Ольги как-то похудела. Я перевел взгляд вниз. В углу лежала горка капрона. Я наклонился. Чулки. Я взял один и развернул. Опять порвала. Я взял другой и этот был со стрелками, и третий, и четвертый, как будто кто-то сдирал их с нее когтями.

Сдирал?

Не может быть!

Я рылся в белье, выкидывая его из шкафа, замечая признаки поразившего меня открытия. Те самые, что я привозил последний раз, о, лифчик с порванной бретелькой, еще чулки, еще, а вот и порванные трусики. Мои любимые, ажурные.

Я встал, не зная, что и думать.

Мои раздумья прервал звук открываемых ключом дверей. Я поспешил в прихожую. В дверях стояла Оля.

Она прикрыла дверь, включила свет, и тут увидела меня. Застыла.

О, как божественна была она. Но несколько чужой. Я взглядом замечал детали: мы поменяли имидж, теперь у нас на голове была стрижка «под мальчика», она состригла свою косичку, убрав волосы сзади и с боков. А лифчик мы не носим, сквозь трикотаж водолазки призывно выделялись соски. А что у нас с чулками? Я приподнял подол плиссированной юбки. Оля не сопротивлялась, увидев за моей спиной кучу тряпок, что я выкинул из шкафа, заморожено глядя на нее.

Чулки на месте, но вот другая часть туалета отсутствовала напрочь. Она была совсем без трусиков, а то место, что они должны были прикрывать, блестело девственной чистотой — она была и там побрита.

— О, мать Божья!

А посмотрел на Олю. Ее глаза, широко распахнутые, как небо, смотрели с ужасом на меня, а в них стояли слезы.

— Никитушка! Я не знаю, что тебе сказать. Не знаю. Знаю, простить не сможешь. Я не смогла. Какое-то наваждение. Я сама не понимаю, как это могло. И вот; — она опустила голову, — Никита. Я беременна, — она вздохнула.

Одной рукой Ольга сделала движение, как бы защититься от меня. Но разве б мог я когда поднять на нее руку?

И снова телефон.

Я рванулся в комнату, чтоб наговорить этому Джеймс Бонду, все, что выплескивалось из меня. На глаза попала вскрытая пачка презервативов, что я оставил на прикроватной

тумбочке перед отъездом. В ней все так же не хватало одной упаковки.

— Никита! Ты? Еще не усугубил с поездки? Давай ноги в руки и на базу. Митька разбился, весь переломался. Хватай тягач и ходом, ходом, милый. Пока не разграбили, надо вытаскивать. Он там, в горе, на сотом километре, не разошелся с помидорником. Хачик его с дороги столкнул! — голос начальника прерывался, болеет за нас, переживает. А Митька лихач еще тот, гарцует, как на скачках, — Давай, Никитушка! Я сейчас подскочу, тебя заберу. Две минуты на сборы. Аллюр два креста. Больше никому, сам знаешь, все в разгоне, с тобой поеду, — короткие гудки.

Приемник переключился на другую программу.

Хоть Митька и лихач, а выручать-то надо. Я выскочил из комнаты, схватил куртку с документами и выскочил из квартиры мимо все так же стоящей в ступоре жены.

Тягач уже стоял за воротами, работая на холостых оборотах. Путевка лежала на торпедо. Начальник цеха ввалился на пассажирскую сидуху

— Гони!

Я резко выжал газ, Четырехсотсильный мотор взревел и мы помчались. Налегке бежать было легко. Шестнадцатитонная махина ровно держала дорогу, стрелка спидометра дрожала у сотни. Нигде не сбавляя оборотов, через полтора часа я был на месте. Митькина фура вылетела в лесок, но не перевернулась. Неудачно было то, что воткнулась она в дерево как раз водительской стороной, кабина была смята. Водительское место было в крови, но Митьку уже увезла скорая. Виновник аварии еще был здесь, его оформляли ГАИшники. Кроме как: «Я ехаль, ехаль, и приехал», разводя при этом руками, ничего больше было не разобрать. Ясно, погонщика мулов выпустили на дорогу. Но его машина почти не пострадала, лишь железо было порвано на фургоне, видимо, Митька уходил с дороги, чтоб не наломать больших дров, о чем говорили и следы на дороге.

Менты перекрыли дорогу, и я занялся спасательной операцией, следя за сигналами начальника цеха. Зацепив трос за зад Митькиной фуры, я вытащил ее на дорогу. Объехав его, и поставив тягач перед мордой, я полез смотреть неисправности. Левое переднее колесо в хлам, рулевое к чертям собачьим, тащить на сцепке нельзя, значит, будем грузиться. Я схватил ключи и нырнул под Митькину машину скручивать кардан, чтоб не порвал коробку передач. Затем кранбалкой вывесил передний мост, чтоб колеса не касались земли, и мы уже не спеша тронулись в обратную дорогу,

Мысли снова вернулись к произошедшему дома. Злость нова начала во мне вить свое гнездо. Когда я загнал поврежденную фуру в ремзону, у меня было одно желание: наказать! Домой ехать не хотелось, А как найти паразита? Только через Катю.

— Кузьмич, дай машину, надо позарез! — я рубанул ладонью по горлу.

— Что такое? — участливо поинтересовался начальник.

— Надо. Проблемы. Семейные.

— Что-нибудь с Олей? — он взглянул на меня.

— Решаемо! Разберусь. Но надо. Любую, не дрова возить. Надо в райцентр смотаться, туда и обратно.

— Тягач устроит?

— Вполне!

— Давай. Путевка у тебя открытая. А завтра поставишь, чтоб охрану не беспокоить.

— Лады! Спасибо! Я погнал, — я снова нырнул в кабину мастодонта.

К даче Игната я подвалил уже к концу рабочего дня.

Услышав рев мотора, из калитки выглядывали рожицы детишек Игната и Кати. Следом вышел хозяин. Я выпрыгнул из кабины.

— Ты знаешь, где найти этого Джеймс Бонда?

Игнат кивнул головой.

— Дай адрес, урою гада!

— Может не надо, Никит, не так поймут. Ты возбужден. Может на спокойную голову?

— Надо! Мне надо! Дай адрес!

— Я с тобой поеду, покажу.

— Давай! — Я снова забрался в кабину.

Игнат скрылся в домике. Через минуту он вышел, следом за ним выскочила Катя, что-то крича ему в след. Он мотал головой, мол, понял.

Когда он устроился рядом, я снова тронул машину. Разворачиваясь на узкой дорожке, я зацепил кранбалкой, выступавшей сзади, металл забора дачи Игната, но мы не обратили на это внимания.

— Никита! Я все знаю, твоя жена звонила Кате. Понимаешь, Оля?

— А при чем тут Оля? — перебил я его, — Оля тут при чем? Не о ней речь.

— Ты знаешь, Катя?

— Вот только не надо Катю ту примешивать. Взрослые люди, разберемся.

Я гнал машину к райцентру, к которому добрались где-то через час.

Игнат все хотел мне что-то объяснить, но я его не слушал. Не хотел слышать. У меня была одна мысль: найти и наказать!

Когда въехали в райцентр, я приказал:

— Показывай.

Минут через десять мы были на месте.

Я взлетел на второй этаж и вдавил кнопку дверного звонка. Игнат не поспевал следом. На длинную трель звонка никто не отвечал. Я снова нажал на кнопку. Тишина. Я два раза пнул дверь башмаком.

Открылась соседняя дверь. Оттуда высунулась острая мордочка старушки

— Здравствуйте, Вы не знаете где Ваш сосед? — поинтересовался я.

— Уеамши. Как есть уехамши, — проговорила старушка, приоткрыв дверь шире, — как проводил свою зазнобу, так почти сразу и уехамши. С вещичками уехамши. И что только они в этом черномазом находят? Вначале одна, потом другая. И так он их жарит, что мне даже слышно. Всю ноченьку напролет. Только охи-ахи раздаются. И самое интересное, — она перешла на шепот, — Что обе светленькие, а он головешка. И первая была светленькая, чуть постарше, а вторая вообще беленькая-беленькая, совсем, как девчонка, а все туда же.

Мы с Игнатом переглянулись, прекрасно понимая, о ком идет речь. Игнат потупился, только кулаки его сжались.

— Может, на работе, поищите его там, милки, — посоветовала старушка.

— Спасибо, бабушка. Попробуем.

Соседка закрыла дверь.

— Знаешь? — я готов

был разорвать эту черномазую гориллу.

— Через дорогу второй дом.

— Мы бегом выскочили из подъезда и вбежали в здание администрации совместного предприятия.

Навстречу нам вышел вахтер, с армейской выправкой, видимо отставник.

— А Джеймс улетел. С утра взял расчет, попрощался со всеми и улетел, к себе в Париж, — В ответ на мой вопрос ответил охранник, — Позвонил куда-то, — кивнул на телефон, — И укатил в аэропорт, билеты были взяты заранее.

— Жаль. Такой мужик стоящий, грамотнейший специалист, сейчас таких не найти. Один у него пунктик, на наших девочек западал. И все норовил блондинок. Наши краше всех, там таких нет. Госковать будет. А сейчас он уже, наверное, к Парижу подлетает. Париж, город любви, город фиалок Монмартра, бульвара Капуцинок и Елисейских полей.

Он посмотрел на стену, где на стенде висели фотографии.

Я подошел к стенду. Джеймс Россел, ведущий конструктор предприятия — прочел я. Рядом подошел Игнат. На нас смотрело одухотворенное лицо молодого человека в безукоризненном костюме.

«И совсем не горилла» — мелькнула мысль.

Высокий лоб, в умных глазах чувствовался интеллект, я бы сказал красавец, такое лицо должно нравиться женщинам. И если бы не темное лицо, не слегка курчавые волосы, никогда бы не подумал, что он негроидной расы.

Я обернулся к Игнату.

— Он?

Тот кивнул головой.

Делать было тут нечего. Мы поблагодарили вахтера и направились к машине. Уже стемнело, где-то слышались звуки программы «Время».

— Давай к нам на дачу, — предложил Игнат, — Помоешься, попаришься, а то люди от тебя шарахаться начнут. Да побриться тебе надо, зарос, как Маугли.

— Маугли, говоришь, — засмеялся я, — Маугли в Париже.

Мы прыснули.

— Ну что, решено?

— А мы куда едем? — отпарировал я. Тело снова заныло, требуя воды, мыла и мочалки.

Через час я уже парковался около дачи Игната. Чуть дальше стояла моя машина, значит, Оля тоже была здесь, сама приехала.

Игнат скрылся в домике, а ко мне подлетела Анютка.

— Папа! Хорошо мы сюда приехали, мы знали, что ты приедешь сюда. А мама у нас такая красивая. В садике сказали «Обалдеть!»

— Конечно, красивая, — я поцеловал дочурку, но видеть Олю не хотелось, — Папе надо помыться с дороги, видишь, папа, как чушка.

— А Карине сказали, что она красивая. Карина со мной в школу пойдет. А мама сказала, что она уходить больше не будет, — тараторил несмышленный ребенок.

— Конечно, не будет. Раз сказала, так и будет.

— А мама меня уже спать будет укладывать, говорит поздно. В комнате Карины. Ты не уедешь?

— Конечно, не уеду. Я же говорю, сейчас помоюсь, и тоже спать. А утром мы будем вместе. У папы длинный выходной.

Вышел Игнат.

— Ну что, идем? — в руках он держал литровую бутылку водки и тарелку с нашинкованной закусью.

Мы сразу распечатали бутылку. На этот раз пил я, а Игнат поддерживал компанию.

Я мылся остервенело, смывая все накопленное не только за две недели жизни в кабине, но и вообще, что могло ко мне прилипнуть. Зла не было. Оно уходило вместе с мыльной пеной в сливное отверстие бани. В парилке вообще, хлестаясь, отдался блаженству, выбегая только вздохнуть свежего воздуха и пропустить по стопарику. А тело, хоть и горело, но просило еще и еще. Наконец Игнат, что шлепал меня по спине, не выдержал, заявил, что у него руки устали. Мы вышли в предбанник и молча продолжили уничтожать принесенное. Когда меня уже с непривычки начало сидя качать, я предложил Игнату пойти на «наше место». Мы взяли курево, и как были, совершенно голые отправились на берег речки, неся в руках бутылку и закуску.

— Дай мне папиросу, а то сигарета слабая, — попросил я, когда мы устроились поудобнее.

Мы закурили. Я вспоминал наш разговор тут же, и мне захотелось высказаться.

Мысли роились, теснились, путались, но я их все же пытался собрать.

— Слушай! Когда-то на этом месте один замечательный, но нетрезвый человек сказал золотые слова: «Она моя и ее люблю! Её вины нет. Это судьба! Так и должно было получиться».

— Мои слова, не отказываюсь, — Игнат потянулся за бутылкой.

— Скажи. С этим можно жить? Или кому какое дело?

— В принципе, вначале обращают внимание, акцентируют, потом привыкают, перестают замечать, — его глаза оставались такими же трезвыми и внимательными.

— Вот! — я откинул погасшую папиросу, потянувшись за следующей, — Тот же самый человек сказал мне: «Она не смогла устоять», такое бывает?

— Бывает Никита, бывает. От тюрьмы и от сумы, мечтаем об одном, а может получиться другое. Вот сегодня твой дружок Витька…

— Митька.

— Вот Митька ехал домой, уже почти был дома, а фортуна повернулась… — он хлопнул себя по голой заднице, — Так и тут. Звезды не так повернулись. Не всегда мы можем устоять от соблазна.

Мы выпили налитое.

— Что дальше собираешься делать? Развод?

— Ты что! — я чуть не поперхнулся, закусывая, и вскочил. Поднялся и Игнат, поддерживая меня, что я не кувыркнулся в воду.

— . А где я лучше найду? Она же любит меня, я знаю. И я ее люблю, — я уже чуть не орал, — Тем более, что я тетке слово дал, что ее не брошу, Кузьмичу… Нет, Кузьмичу слово не давал, но он меня уважать перестанет. О! Как же я Анютку брошу без отца? Ее что, чужой дядька воспитывать будет? А я ведь ее люблюююю! И никому ее не отдам, понимаешь?

— Тогда аборт?

— Окстись, креста на тебе нет. Теть Маня сделала аборт по молодости, всю жизнь себе исковеркала, потом жалела, так детей и не нажила. Один я у нее был. Племянник. Аборт — убийство. Не хочу!

Что-то хрустнуло рядом. Мы посмотрели туда. В пяти метрах стояли две женские фигурки и смотрели, как два голых мужика, тряся своими причиндалами, приплясывают на берегу,

балансируя, чтоб не упасть или на землю, или в воду. Понятно, подслушивают мужские разговоры. Я махнул кистью руки, ну и хрен с ним, пусть подслушивают, я же правду говорю.

Наши жены, увидев, что мы их заметили, отошли дальше, а мы сели.

— Еще?

— Давай! За наших жен!

Мы выпили. В голове уже шумел туман, и скоро должен был выйти ёжик.

— Тебе Каринка мешает? — спросил я.

— Никогда! — отозвался Игнат.

— И мне мешать не будет. Пусть бегаёт. Все равно она моя! И фамилию ей свою дам, не будет она Бондова.

Игнат отвалился на спину и захрапел, его сморило. А я продолжал ему объяснять, не забываясь о том, что мои рассуждения долетают до ушей наших жен, стоящих неподалеку.

— Тебе можно, а мне что, нельзя? У тебя есть тайна, теперь и у меня есть. Мы квиты. А где он этот Джеймс Бонд? А нету! Улетел в свою Эйфелеву башню. Трус. Агент 007 — трус. Испугался и улетел. Нам надо было, чтоб он отстал. Мы разве эту задачу не выполнили? Выполнили! Мы его прогнали. Где он? Ау! Джеймс Бонд! А нету. Нету! Вот пусть ищет там у себя своих лягушек. Нет, кажется, лягушек они едят…

Это были последние слова, которые пришли мне в голову. Навалилось забытье.

Я чувствовал, что меня поднимали, какие-то руки, куда-то несли, о чем-то переговаривались, но ни понять, что они говорили, ни открыть глаза я уже не мог, мыча что-то нечленораздельное.

Проснулся я в постели в комнате, что нам отвели хозяева. Абсолютно голый. Рядом посапывала Оля. Я приподнял одеяло, она тоже была обнажена. И такой родной она мне показалась, такой соблазнительной, что я провел рукой ей по груди, потом положил руку на живот. Где-то там внутри зародилась новая жизнь. Еще незаметная, но скоро этот животик станет таким же кругленьким и красивым, таким, как был, когда Оленька вынашивала Анечку. Я чуть сполз и приложил ухо к животу жены. Конечно, никакого сердцебиения там не было, еще рано. Зато перед глазами очутился гладковыбритый лобок.

Это было уже выше моих сил. Я еще спустился ниже, развел Оленьки ножки и прильнул губами к ее пухлым половым губкам. Оля, кажется, проснулась, потому как приподняла свой таз, чтоб мне удобнее было целовать ее. Как хорошо. Ничто не мешало, ничто не щекотало, ничего не лезло в нос и рот. Я ласкал ее, то целуя в засос, по водил языком, стараясь не пропустить ни сантиметра плоти, то погружал его туда, глубже, туда, где завязался плод. Оля мне помогала, взяв меня за голову, направляя ее туда, где ласка была нужнее, иногда придавливая мои губы сильнее.

Почему-то меня озарила мысль, которая даже обрадовала, что, наконец-то эти ненавистные презики будут не нужны. Спасибо тебе, родная. Избавила…

Хорошо проспавшись, плотно пообедав, я почувствовал себя снова в форме. Я перегнал тягач на базу, в моей кабине щебетали ребятишки, им было интересно ехать не в легковой, а в такой большой могучей машине. Игнат с Катей и Ольга ехали сзади. У дома Игната я высадил его детей, а Оля поехала со мной, чтоб мне не пришлось шагать пешком. Кузьмич встречал у ворот

— Разобрался?

— Еще как! Все отлично. Даже лучше, чем я мог представить.

Он заметил Ольгу, подъехавшую следом.

— Да тебя ждут. Давай, дуй домой, гуляй, неделя тебе отдыха, я все оформил. Набирайся сил и энергии. Тягач я сам загоню на стоянку.

Долго упрашивать меня не пришлось, и скоро мы были дома.

С каким же удовольствием я выкинул пачку предохранителей, мозолившую глаза на прикроватной тумбочке. И даже оставшихся целых упаковок было не жаль — еще не скоро пригодятся.

А уже весной мы встречали Оленьку из роддома. Кузьмич лично приехал на микроавтобусе, чтоб поместились все. Игнат с Катюшей были с детьми, Анютка все суежилась, желая показать, что она главная, ведь это именно ее сестра.

Выносила ребенка не молоденькая медсестра, а пожилая женщина. Она прятала свой взгляд, ожидая чего-то не того.

Я принял кулек и развернул его. На фоне белой пеленке морщилось очаровательно темное личико с маленькими черными кудряшками. Я прикоснулся губами к ее носику и ничего не нашел другого ляпнуть, обращаясь к Ольге:

— Говорил тебе, не включай свет, такую девку засветили; — все заулыбались.

Цветы с шоколадкой мешались. Я высвободил руку, вручив их медсестре:

— Спасибо! — и ее поцеловал ее неловко в щеку.

Вперед выскочили Аня с Каринкой

— И нам покажи.

Лицо женщины, увидевшей Карину, прояснилось.

Аня внимательно осмотрела сестру.

— У тебя тоже прабабушка, как у Карины? — задала она мне вопрос.

— Это одна и та же прабабушка, мы же родственники с дядей Игнатом, — объяснил я.

— Ура! И Александр Сергеевич Пушкин нам родственник?

— Конечно! — согласился я.

— И Елена Ханга?

— Тоже, только дальняя.

— Ух ты. Все обзавидуются! А раз мы родственники, значит Марина как бы Карине сестра?

Мы все вчетвером украдкой переглянулись. Мой Бог, дорогая доченька, ты бы знала, как ты права. Ты единственная озвучила правду.

А девочку мы так и назвали Мариной, как захотела ее старшая сестра.